

Виктор Воронков

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ЭТНИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА?

Я хотел бы здесь изложить некоторые итоги исследовательского проекта “Кавказцы в большом российском городе: интеграция на фоне ксенофобии”, который был осуществлен в 1997-1999 годах сотрудниками Центра независимых социологических исследований, благодаря поддержке Фонда К. и Дж. Макартуров. Исследование имело несколько акцентов, важнейшим из которых стало формирование экономических сетей в мигрантских (я сознательно избегаю пока понятия “этнические”) общинах городов России. Такого рода исследования стали достаточно традиционными во многих европейских странах и Северной Америке. Однако особенности российского общества и его трансформации требуют внесения существенных изменений в общие теоретические выводы, сделанные западными учеными.

В основу исследования легли два case study, задуманные нами как длительное участвующее наблюдение в изучаемых milieu. Впоследствии материалы наблюдения были дополнены проблемно-ориентированными интервью с информантами. Я хотел бы подчеркнуть, что избранные методы исследования выстраданы множеством предыдущих проектов. Мы стремились понять наших информантов, чтобы адекватно описать те правила, по которым эти люди действуют, по которым живет интересующая нас среда. Как правило, даже обычные беседы-интервью (я уже не говорю об анкетных методах!) не дают ясного понимания изучаемого milieu (если это не наша собственная интеллигентская среда крупного города) и правил, по которым люди в ней действуют. Возникающая иллюзия понимания вынуждает социолога приписывать собственные смыслы словам информантов, результатом чего становится фабрикация артефактов. Именно поэтому мы положили в основу исследования классическое участвующее наблюдение.

Выбор объектов исследования (азербайджанцы - торговцы зеленью на рынке и армяне, занятые производством и ремонтом обуви) отразил наши предварительные стереотипные представления, которые широко распространены как между социологами, так и в сознании широких масс населения. Хотя мы всячески подчеркиваем, что согласно нашей методологии следует по возможности избегать предварительного знания, чтобы не попасть в уже наезженную колею тех или иных исследовательских представлений, однако надо же было от чего-то отталкиваться.

Осторожное отношение к этнической идентификации и к ее значению для выбора жизненной стратегии связано с нашими предыдущими исследованиями этничности и этнических общин. Этничность, в нашем представлении, есть процесс формирования групповой идентичности, возникшей в результате приписывания себе и другим определенных черт. Она является типичным конструктом, ее нельзя характеризовать “вещественными” культурными признаками. Но в ней, однако, представление о различных широких общностях способствует формированию рамок для коллективных действий. Подробное изложение наших представлений Вы можете найти в наших работах (Конструирование, 1998). Следствием такого подхода становится понимание того, что этнические группы не являются статическими сущностями, к которым человек “объективно” принадлежит или не принадлежит. Возможны ситуации, когда у человека этническая идентичность становится особенно актуальной, и тогда его социальные действия во многом определяются именно ею. В подавляющем большинстве случаев этническая идентичность носит формальный характер и ни в коей мере не влияет на повседневную деятельность. Существует, наконец, немало людей, у которых этническая идентичность вовсе отсутствует.

В большинстве исследований тем или иным социальным сетям заранее приписывается этнический смысл. Далее идет лишь поиск содержательных индикаторов, которые описывают априорно выделенную “этническую общину”. Подавляющее большинство исследователей опирались в своих выводах на статистические данные и результаты массовых опросов. Таким образом, эти исследователи заведомо определяли объекты и их границы и относились к изучаемым совокупностям как к статистическим группам. Наше же исследование предполагало выяснение принадлежности, поскольку границы этнической группы указать невозможно. По мере ослабления идентифицирующего признака, все дальше от соответствия принятому идеальному коду (настоящий армянин это тот, кто ...) становится трудно идентифицировать принадлежность-непринадлежность, граница размыта. Помимо этого, недостатком этносоциологических исследований является то, что в них исследуются почти исключительно установки информантов, а не их реальное поведение. Интерпретация ответов - само по себе дело архисложное, поскольку культурные различия между информантом и социологом достаточно велики, чтобы быть уверенным в интерпретации. Но и при игнорировании этой проблемы мы в лучшем случае можем говорить только об установках. Но ведь между установками и поведением однозначного соответствия нет. (Так армяне охотно говорят об этнической солидарности, однако исследование ставит под сомнение ее существование в реальном поведении).

Мы не спешили считать наших информантов заведомыми армянами или азербайджанцами, хотя именно так воспринимали их представители доминирующей культуры. Объективно они были мигрантами из Азербайджана или Армении. Но насколько эти люди использовали этнические категории, идентифицируя себя или партнеров по экономическим (и вообще по социальным) сетям, по каким принципам выбирали они себе партнеров, это предстояло выяснить. Таким образом, мы заведомо не привязывали вопросы доверия или солидарности в мигрантских социальных сетях к этничности, как это обычно делают другие исследователи. И теперь готовы высказаться на эту тему после проведения исследования, а не априорно.

Если обобщить наше скудное понимание советского общества, то можно констатировать исходный пункт анализа следующим образом. В крупных городах дореформенной России (СССР) не было и, пожалуй, не могло быть этнических экономических сетей. Разумеется, огромные массы мигрантов чувствовали себя маргиналами, однако пути их интеграции в общество были предписаны государством и им же организованы. И эти пути ни в коей мере не были этническими.

Появлению этнического предпринимательства объективно способствовали две причины. Во-первых, реформы все более раскрывали рыночное пространство для частной инициативы. Одновременно быстрые социальные изменения коснулись каждого советского человека. В условиях потери привычной ориентации, неуспешности прежних экономических

стратегий, изменения системы норм и ценностей большинство населения потеряло прежнее стабильное, привычное жизнеощущение. В некотором смысле возник всеобщий комплекс мигранта, люди оказались как бы в эмиграции в собственной стране. Новые рыночные возможности (предпринимательство), помноженные на необходимость поиска новых стратегий выживания, дали огромный всплеск предпринимательской активности.

Однако эта активность не была окрашена в этнические тона. Это объясняется тем, что этническое конструирование в России имеет принципиальные особенности, связанные с: 1) наличием предшествующей сильной советской идентичности, 2) ликвидацией в российских городах этнических общин в 1930-е годы и разрушением механизма передачи этничности в процессе социализации, а также 3) особенностями сегодняшней трансформации советского общества. Прежняя национальная политика, нацеленная на формирование единой советской “этничности”, оказалась достаточно успешной. И сегодня живущие в российских городах паспортные армяне, евреи или азербайджанцы включаются в предпринимательство не как представители своей этнической группы (я повторяю, что их собственная этническая идентичность не играет обычно при этом никакой роли), а как “русские” (россияне).

Поэтому, например, полученные в московском исследовании Радаева (Радаев, 1993) данные о повышенном проценте предпринимательской активности среди “нерусских”, а особенно евреев и “кавказцев” (в первую очередь, армян), интерпретировать крайне сложно. Опрашивались жители Москвы, которые все принадлежали к доминирующей городской культуре и их формальная этничность, скорее всего, не играла никакой роли, так что никакой установки на этническую солидарность и формирование этнических сетей, вероятно, обнаружить бы в дальнейшем не удалось. Поэтому определять какие-то социальные сети (в том числе так называемую мафию) как этнические невозможно без специального исследования. Иными словами, я утверждаю, что предписанная каждому гражданину (советским) государством этничность сама по себе ни о чем не говорит, если мы пытаемся определить, насколько этничны социальные (экономические) сети, образованные нынешними постсоветскими людьми.

Другой причиной возникновения этнического предпринимательства стала массовая миграция из бывших советских республик в связи с войнами, этническими конфликтами и просто из-за тяжелого экономического положения в большинстве регионов. Самый большой поток мигрантов наблюдался с конца 80-х годов из Азербайджана и Армении. Массы беженцев, “зацепившихся” за российские города, стимулировали в дальнейшем цепную миграцию. В результате численность уроженцев этих республик увеличилась в Петербурге в несколько раз.

Эти беженцы и вынужденные мигранты столкнулись со всеми традиционными для беженцев проблемами, которые были описаны еще социологами чикагской школы. Государство уже не могло взять на себя заботу об их интеграции. Конечно, сразу бросаются в глаза культурные различия между мигрантами и доминирующим большинством, однако не столь важны здесь “этнические” различия, сколько тот факт, что культура многих приезжих была сельской. А различия между городом и селом в СССР были и есть столь разительны, что даже сельских жителей России в столицах можно считать специфической этнической группой.

В этих условиях мы наблюдаем формирование мигрантских социальных сетей, которые берут на себя устройство прибывших, предоставляют им работу, передают свой опыт. В отличие от советского времени для мигранта появляется возможность интеграции в общество через общину, избежав всех тягот индивидуальной стратегии интеграции. Возникает прообраз общины. Здесь концентрируются почти исключительно мигранты последних лет, которые, на первый взгляд, должны бы создавать этнические ниши в экономике, используя как ресурс этническую солидарность. Действительно, экономические сети возникают, однако есть основания утверждать, что их функционирование не связано с этничностью. Результаты наших исследований продемонстрировали, что в изучаемой мигрантской среде этническая солидарность отсутствует или имеет минимальное значение. Это подтверждает и ряд германских исследований (Erichsen, 1988; Neckmann, 1991). Таким образом большинство выдвинутых американскими учеными объяснительных моделей - реактивного культурного контекста (reactive cultural context), реактивной этничности (reactive ethnicity), ресурсной теории этнического предпринимательства, - где во всех случаях на первое место выдвигается этническая солидарность как главный ресурс, - должны быть подвергнуты конструктивной критике.

Культурная традиция в исследовании этнического предпринимательства, восходящая к Макс Веберу, явно устарела в новых исторических условиях. Здесь работает и фактор глобализации: общества все более похожи, некоторые культурные паттерны оказываются сходными с образцами принимающего общества, нельзя все сводить к домиграционному опыту, а в ином случае трудно разделить, что было до и что приобретено после. Особенно это характерно для России, поскольку - если игнорировать последствия специфической советской модернизации и национальной политики - крайне сложно адекватно интерпретировать полученные в исследовании материалы.

В российских городах мы можем наблюдать интересную особенность в развитии тех социальных сетей, которые выглядят для стороннего наблюдателя как этнические. Как правило, параллельно формируются две принципиально различающиеся общины, относящиеся к одному и тому же этническому меньшинству и часто не связанные между собой.

Одна община представляет собой уже упомянутые самоорганизующиеся сети новых мигрантов. В основе таких сетей лежат экономические отношения. Другая община существует как своеобразный клуб представителей среднего класса, давно живущих в городе и хорошо интегрированных в городское сообщество. Эти люди создали себе из этничности хобби или даже профессию и монополизировали публичное пространство, выступая от имени этнической группы в целом. Часто респектабельная община дистанцируется от новых мигрантов. В повседневности эти люди не отличаются от прочих петербуржцев, а структура их занятости совпадает со структурой занятости образованного слоя населения города в целом. Однако именно в этой среде возникают этнические сети в подлинном смысле этого слова на базе культивирования и эксплуатации этнического капитала (этническое предпринимательство). Возникает парадоксальная картина с точки зрения привычных объяснительных моделей. Мигрантские сети этническими практически не являются, а респектабельные горожане конструируют новую этничность и организуют этническую “общину”, в том числе и этнические экономические

сети.

Возможно, что по мере дальнейшего реформирования рынка “этноэкономические” процессы в России все более станут походить на те, что мы наблюдаем на Западе. При условии, что Россия станет принимающей страной, должны развиваться экономические ниши иммигрантов из дальнего зарубежья (из Китая, в первую очередь). Бывшие соотечественники из СНГ вряд ли создадут в ближайшее время полноценные общинные институты в свете изложенных выше рассуждений. Резюмируя все сказанное, я хотел бы представить некоторые суждения для дискуссии.

1. Иммигрантская экономика в крупных городах России этнической не является. Этничность ей приписывается исследователями и представителями доминирующего большинства. Сами участники иммигрантских сетей либо не рассматривают мир в этнических категориях, либо этничность не играет никакой роли в интеграционных стратегиях. Экономические сети строятся не по этническому признаку, а скорее по рыночным критериям - максимизация прибыли при определенном ограничении риска (уровень доверия, возможность контроля). Моральность экономики ограничена тем, что в определенных границах некоторые преимущества имеют родственники и земляки, однако вовсе не представители собственной этнической группы.

Сказалось сильное влияние советской социализации в условиях разрушения механизма передачи традиционных ценностей. Были индоктринированы общие правила игры в масштабах страны при одновременном декларировании разнообразия. В публичном пространстве пропагандировалось разнообразие, зато повседневные практики все более сближались. Так что различия между бывшими советскими гражданами весьма относительно (они были даже членами одной партии!), следствием чего является отсутствие достаточных стимулов конструирования личности.

2. Этническая экономика, возможно, существует в принципе. Правда, в тех исследованиях, на базе которых ее существование обосновывается, исследователи заведомо приписывали этничность своим информантам (респондентам). В большинстве случаев следует осторожно отнестись к понятию “этнический” при обсуждении этой темы. Хотя можно представить этнизацию любых социальных отношений в случае появления политических интересов в общинной элите. Если для элиты общины иммигрантов из какого-то региона в целях развития экономических сетей в какой-то момент понадобится этнический ресурс, то экономика станет этнической. Так что возможно существование этнической экономики в США, в меньшей степени в Европе, а для России это вопрос исследования китайской, вьетнамской, афганской общин.

3. Существование экономических связей между давно интегрированными в доминирующее общество представителями “параллельной общины” не служит доказательством этнической экономики, поскольку собственно солидарность для них определяется рыночными, а не этническими условиями. Хотя можно предположить, что при определенных условиях экономический и социальный капитал этнических профессионалов из “национально-культурных организаций” может соединиться с дешевой рабочей силой иммигрантов (“соотечественников”). Тогда усиленная эксплуатация приезжих может быть замаскирована под лозунгами именно этнической солидарности. И мы сможем наблюдать функционирование именно этнической экономики.

4. Исследование этно-экономических процессов в постсоветском пространстве дает важный новый материал для социолога, помогающий понять сложности, вызванные использованием этнических категорий при описании социально-экономических процессов. Достаточно снять с исследователя “этнические очки” и станет ясно, что подавляющее большинство изучаемых нами процессов вполне могут быть объяснены без привлечения категории этничности.

Более того, я рискую предположить, что развитие общества и развитие социальных наук должны привести нас к мысли об отказе от использования этнических категорий (как мы отказались от использования понятия “раса”). Надо понимать, что любое акцентирование внимания на этничности ведет к усилению напряжения в обществе. Обсуждение в публичном пространстве каких-то социальных проблем как проблем этнических неизбежно влечет за собой расизм.

Литература

Конструирование этничности: формирование этнических общин Санкт-Петербурга / В.Воронков, И.Освальд (ред.). Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин. 1998. 304 с.

Радаев, В.В. (1993) Этническое предпринимательство: мировой опыт и Россия // Политические исследования. № 5. С. 79-87

Ericksen, R. (1988) Selbstaendige Erwerbstaetigkeit von Auslaendern in der Bundesrepublik Deutschland am Beispiel der Tuerken // Informationsdienst Auslaenderarbeit. N. 3. S. 21-27

Heckmann, F. (1991) Ethnische Kolanien// Oesterreichische Zeitschrift fuer Soziologie. N. 3. S. 25-41